

Михаил Салтыков-Щедрин

В сумерках

Михаил Салтыков-Щедрин

В сумерках

«Public Domain»

1868

Салтыков-Щедрин М. Е.

В сумерках / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain», 1868

ISBN 978-5-457-18738-2

Рецензия представляет первостепенный интерес постановкой проблемы сатиры и тем самым обоснованием собственных творческих принципов Салтыкова, характеристика которых будет развиваться и уточняться им в ряде последующих статей и рецензий. Рецензия написана в обычной для большинства рецензий Салтыкова в «Отечественных записках» двухчастной форме: первая часть посвящается общим проблемам, вторая, иногда очень краткая, содержит собственно литературно-критическую оценку рецензируемого издания.

ISBN 978-5-457-18738-2

© Салтыков-Щедрин М. Е., 1868

© Public Domain, 1868

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

В сумерках

Сатиры и песни Д. Д. Минаева. СПб. 1868 г.

Сатире, бесспорно, посчастливилось на Руси. Если мы припомним достославное изречение: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет», то окажется, что родоначальником русской сатиры был едва ли не Гостомысл. За ним следовал целый ряд более или менее блестящих сатириков, которых имена с признательностью сохранила русская история на скрижалях своих и которых сатира, не имея, конечно, привлекательных литературных форм, которыми обладает сатира г. Минаева, язвительностью своею не только не уступала последней, но даже превосходила ее.

То была сатира по преимуществу поучающая и вразумляющая. Изменяя свои внешние формы, смотря по тому, варяги, монголы или немцы участвовали в ее сочинении, она относительно внутреннего содержания оставалась всегда неизменною, всегда верною своим дидактическим целям. Исходя от идеалов весьма определенных, как, например, охранение княжеских и ханских интересов, своевременная и безнедоимочная уплата налогов и даней, она тем с большим успехом могла действовать на искоренение противных сим идеалам пороков, что к услугам ее всегда был готов целый арсенал вспомогательных средств также несомненно дидактического свойства. Это был золотой век русской сатиры; ибо в продолжение его сатира воздействовала не только на порочную волю русского человека, но и на порочное его тело.

Но с тех пор как, по соображениям высшей важности, попечение об интересах русской сатиры признано возможным предоставить литераторам, дело пошло несколько иначе. Новые деятели, не получив в свое распоряжение никаких вспомогательных средств, очутились в самом затруднительном положении. Попробовали поискать идеалов с намерением сделать из них нечто вроде крепости, из которой можно было бы с удобностью стрелять по проходящим, но и в том не успели, потому что как идеалы, так и прочие украшения остались по-прежнему в заведовании надлежащих комендантов... Остались, правда, кой-какие идеальчики, но очень маленькие, так сказать, бросовые – ими и удовольствовались.

Из этих бросовых идеальчиков каждый сатирик выбрал себе такой, какой приходился ему по комплекции. Который сатирик – евнух, тот, увидя на Невском камелию, непременно заскрежетает зубами; который сатирик предпочитает пенное – тот непременно обругает всех пьющих дорогое виноградное вино; который сатирик возлюбил халатную простоту – тот с негодованием отнесется к фрак, сшитому Шармером. Далее камелий, фраков и шестирублевого лафита дерзают очень немногие, да и такое ли теперь, впрочем, время, чтобы дерзать!

Время теперь стоит самое веселое; пороки истреблены, злоупотребления уничтожены, гнусные поползновения, какие были, посрамлены. Остались лишь пороки и злоупотребления второго сорта, а именно: камелии, шармеровские фракы и колониальные магазины купца Елисеева; правда, что истребить эти пятна, затемняющие солнце русской добродетели, очевидно, не под силу нашим сатирикам, но зато они тем удобны, что стрелять в них предоставляется даже без пороку. Таким образом, утратив свой величавый, равно для всех обязательно-дидактический характер, сатира приобрела значение камелийно-панталонно-колонияльное и, за немногими исключениями, сосредоточилась преимущественно около Петербурга, да и в самом Петербурге распалась еще на адмиралтейскую, коломенскую, Васильевскую, нарвскую и т. п.

Такое исключительное сосредоточение русской сатиры около Петербурга представляет большую ошибку. В самом деле, что такое Петербург? С точки зрения общественной жизни

– уличной и салонной, – это город водевильных нравов, водевильных подвигов, водевильных измышлений – и больше ничего. Изобразите русскому человеку самым подробным, самым наглядным образом эту водевильно-беспутную жизнь – он останется совершенно безучастен к ней. Одной половины этих подробностей, как слишком специальных, он не поймет, другая представится ему чем-то вроде сказочной пошлости. Конечно, Петербург для него небезызвестен и даже небезынтересен, но совсем не в том смысле, какие там процветают камелии и какого цвета носят панталоны, а исключительно как складочный магазин тех шишек, от которых, по пословице, тошно приходится бедному Макару. Все остальное, то есть все то, в чем следовало бы искать материала для характеристики общества, представляет такую мелкую и притом неяркую, несвоеобразную подробность, которая в общем строе русской жизни остается совершенно вне всякого влияния.

К сожалению, современная русская сатира, прилепившись к Петербургу, ищет в нем совсем не того, что искать надлежит, а того, до чего никому нет никакого дела. Мишенью для своих сарказмов и стрел она избрала не то мероизлиятельное значение Петербурга, которое понятно для каждого русского человека, а так называемые петербургские нравы. Но, как сказано выше, в Петербурге нравов нет и никогда не было, а есть и было отсутствие нравов. В самом деле, представьте себе хоть целое сонмище камелий, собранных вкупе и оскверняющих взоры проходящих своими оголтелыми прелестями, – что можно сказать по поводу такого сюжета, кроме того, что вот женщины, которые, не опасаясь простуды, обнажают себя для удовольствия своих ближних? Если вы вместо слова «женщины» поставите «бесстыдницы», то это уже будет высшая мера того сатирического негодования, которого этот предмет достоин. Представьте себе легион молодых шалопаев, грабящих мостовую в шикарных пиджаках, – что может сказать об них сатира самая злая, кроме того, что это легион шалопаев, грабящих мостовую в шикарных пиджаках? Представьте себе целый рой отупевших от обжорства старцев, проводящих лучшие часы жизни в колониальных магазинах Елисева, – что может Евменида самая разъяренная сказать об них, кроме того, что это старцы, отупевшие от обжорства, проводящие лучшие часы? и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.